

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр
ДЮМА

ТРИ МУШКЕТЕРА

Роман

Харьков
«Фолио»
2017

I

ТРИ ДАРА Г-НА Д'АРТАНЬЯНА-ОТЦА

В первый понедельник апреля 1625 года небольшой городок Менг, родина автора «Романа о розе»¹, бурлил так, словно гугеноты² собирались сделать из него вторую Ла-Рошель³. Большинство горожан, видя женщин, бегущих в сторону Главной улицы, и слыша плач детей, доносившийся с порога домов, торопливо облачались в доспехи и, стремясь компенсировать недостаток мужества, вооружались мушкетами и бердышами. Подготовившись подобным образом, они устремлялись к гостинице «Вольный мельник», перед которой, увеличиваясь с каждой минутой, росла плотная и шумная толпа любопытных.

В те времена такие волнения были явлением довольно распространенным, и лишь в редкий день тот или иной город не мог занести в свои летописи запись о подобном событии. Знатные господа сражались друг с другом, король воевал с кардиналом, испанцы вели войну с королем. Но, помимо этих военных конфликтов — то тайных, то явных, то исподволь тлеющих, то яростно разгорающихся, — были еще и грабители, и нищие, и гугеноты, бродяги и слуги, которые воевали со всеми. Горожане всегда выступали против грабителей, бродяг, слуг, нередко — против феодалов и гугенотов, время от времени — против короля, но против кардинала или ис-

---

¹ «Роман о розе» — знаменитая средневековая поэма (XIII век). Поэма начата Гильомом де Лоррисом, а вторая часть написана Жаном Клопинелем, который был родом из Менга.

² Гугеноты — сторонники кальвинистской (протестантской) религии во Франции.

³ Ла-Рошель — город на берегу Атлантического океана, оплот гугенотов.

панцев — никогда. Именно в силу этой устоявшейся привычки в вышеупомянутый первый понедельник апреля 1625 года горожане, услышав шум и не узрев ни желто-красных знамен, ни мундиров сторонников герцога де Ришелье, устремились к гостинице «Вольный мельник».

И только прибыв на место, они выясняли причину суматохи.

Молодой человек... Набросаем его портрет несколькими росчерками пера: представьте себе Дон Кихота в восемнадцать лет, Дон Кихота без доспехов, без лат и набедренников, в шерстяной куртке, синий цвет которой приобрел своеобразный оттенок — нечто среднее между рыжим и лазорево-голубым. Продолговатое смуглое лицо, выдающиеся скулы — признак хитрости, мышцы челюсти чрезмерно развитые — признак, по которому можно безошибочно определить гасконца¹, даже если на нем нет берета, — а наш молодой человек был в берете, украшенном неким подобием пера; взгляд открытый и умный; нос крючковатый, но тонко очерченный. Молодой гасконец был слишком высок для юноши, но недостаточно — для зрелого мужчины. С точки зрения несведущего человека, он скорее походил на странствующего отпрыска какого-нибудь фермера, если бы не длинная шпага на кожаной портупее, бившая по ногам своего владельца, когда он шел пешком, и бороздившая редкую взъерошенную шерсть его коня, когда он ехал верхом.

У нашего молодого человека была лошадь столь примечательная, что на нее тут же все обратили внимание. Это была беарнская² лошадка желтоватого окраса лет двенадцати или четырнадцати от роду, хвост которой давно облез, а ноги были щедро усыпаны болезненными наростами. Хоть и шагал этот конь, опустив морду ниже колен, что делало бесполезным наличие узды, он был способен преодолеть за день расстояние в восемь лье. К несчастью, это несомненное достоинство настолько затмевалось его нелепым вышагиванием и странным окрасом, что в те годы, когда все разбирались в лошадях, появление вышеупомянутой лошадки в Менге, куда она вступила с четверть часа назад через ворота Божанси, произвело довольно гнетущее впечатление. Гнетущее настолько, что его тяжесть почувствовал и сам всадник.

Тяжесть сия была тем более невыносима для молодого д'Артаньяна (так звали нашего Дон Кихота, оседлавшего этого нового

---

¹ Гасконь — область на юге Франции.

² Беарн — область на юге Франции.

Росинанта), что он сам прекрасно осознавал — каким бы хорошим наездником он ни был, — сколь нелепо он смотрится на этом коне. Словно предчувствуя впечатление, которое непременно произведет своим видом, он тяжело вздохнул еще тогда, когда принимал этот дар от д'Артаньяна-отца. Д'Артаньян подозревал, что цена этому представителю лошадиного племени не более двадцати ливров, однако нужно заметить, что слова, которые сопровождали этот дар, были бесценны.

— Сын мой! — произнес гасконский дворянин с тем чистейшим беарнским акцентом, от которого Генриху IV¹ так никогда и не удалось избавиться. — Сын мой, конь этот появился на свет в доме вашего отца лет тринадцать назад и все эти годы оставался в этом доме, служа нам верой и правдой, что само по себе должно снискать вашу любовь. Не продавайте его, что бы там ни было, дайте ему в почете и покое умереть от старости. И, если вы отправитесь на нем в поход, заботьтесь о нем, как вы заботились бы о своем верном слуге. При дворе, — продолжал д'Артаньян-отец, — если вам будет оказана честь быть принятым там, на что, в конце концов, вам дает право древность вашего рода, достойно поддерживайте честь дворянского имени, которое более пяти столетий с достоинством носили ваши предки. Не позволяйте никому, за исключением кардинала и короля, выказывать непочтение по отношению к вам и вашим близким. Под словом «близкие» я подразумеваю ваших родных и друзей. Только мужеством — слышите ли вы, единственно мужеством! — дворянин в наши дни может пробить себе путь. Кто дрогнет хоть на мгновение, возможно, упустит случай, который именно в это мгновение ему предоставляла фортуна. Вы молоды и обязаны быть храбрым по двум причинам: во-первых, вы гасконец, а во-вторых — вы мой сын. Не опасайтесь случайностей и ищите приключений. Я дал вам возможность научиться владеть шпагой. У вас железные икры и стальная хватка. Вступайте в схватку по любому поводу. Деритесь на дуэли, тем более что дуэли запрещены и нужно быть храбрым вдвойне, чтобы драться. Сын мой, я могу вам дать всего лишь пятнадцать экю, коня и те советы, которые вы только что выслушали. Ваша магушка добавит к этому рецепт некоего бальзама, полученный ею от цыганки; этот бальзам обладает чудодейственной силой исцелять любые раны, кроме сердечных. Восполь-

---

¹ Генрих IV (1553—1610) — король Франции с 1589 по 1610 гг., родился в Беарне.

зуйтесь всем этим и живите долго и счастливо... Мне остается сказать лишь об одном: я хочу вам привести пример — не себя, поскольку я никогда не бывал при дворе и только добровольцем участвовал в войнах за веру. Я имею в виду господина де Тревиля, который был некогда моим соседом и еще ребенком имел честь играть с нашим королем Людовиком Тринадцатым — да хранит его Бог! Иногда игры их переходили в драку, и в этих драках король не всегда оказывался победителем. Синяки и шишки, полученные им, внушили королю большое уважение и дружеские чувства к господину де Тревилю. Затем господин де Тревиль дрался уже с другими: во время первой своей поездки в Париж — пять раз, после смерти прежнего короля и до совершеннолетия молодого — семь раз, не считая войн и осады городов, а со дня совершеннолетия нынешнего короля и до наших дней — раз сто! И, невзирая на эдикты, указы и постановления, он сейчас капитан мушкетеров, тех самых легионеров Цезаря, которых высоко ценит король и побаивается кардинал. А кардинала, как всем известно, трудно чем-нибудь испугать. Кроме того, господин де Тревиль получает десять тысяч экю в год, а следовательно, он весьма большой вельможа. Начинал же он подобно вам. Явитесь к нему с этим письмом, следуйте его примеру и действуйте так же, как он.

После этих слов г-н д'Артаньян-отец вручил сыну письмо, препоясал его своей собственной шпагой, нежно поцеловал в обе щеки и благословил.

Покидая комнату отца, д'Артаньян увидел свою мать, ожидавшую его с рецептом вышеупомянутого бальзама, прибегать к услугам которого, учитывая только что полученные советы, юноше, по всей видимости, предстояло часто. На этот раз прощание было более продолжительным и более нежным, чем с отцом, но не потому, что отец не любил своего сына, который был его единственным отпрыском, а потому, что г-н д'Артаньян был мужчиной и счел бы недостойным мужчины уступить сиюминутной слабости, тогда как г-жа д'Артаньян была женщиной и, кроме того, матерью. Она горько плакала, и нужно признать, к чести г-на д'Артаньяна-младшего, что, как ни старался он остаться стойким, как подобает будущему мушкетеру, человеческая природа взяла свое, и он пролил много слез, которые ему удалось — и то с большим трудом — скрыть лишь наполовину.

В тот же день юноша отправился в путь, увозя с собой три отцовских дара, состоявших, как мы уже говорили, из пятнадцати